

Катя Михалина

6

Катя Михалина

6

«Автор»

2026

Михалина К.

6 / К. Михалина — «Автор», 2026

Москва 1906-го. В городе случается череда странных смертей. Это древнее зло вышло на охоту.

© Михалина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

6

Глава

1.

Господин в цилиндре

Ещё не занялся рассвет, как жителей "мокрых" дворов Дорогомилово поднял на ноги душераздирающий женский крик, прилетевший со стороны реки, от длинных, вырубленных в толстом речном льду прорубей, к которым Дорогомиловские прачки, обстирывающие богатые дома Москвы, по утру ходили полоскать чистое белье. Было б дело на Хитровке, Грачевке, в Марьиной Роще или одной из слободок поотчаяннее, крик внимания бы не привлёк — убивают кого-то, велика новость, но в спокойном, сонном, как сама Москва-река, Дорогомилове всполошил и поднял на ноги всю округу.

Крик повторился. Следом заголосили, запричитали на все лады новые женские голоса.

— Боже милостивый! — выдохнула одна из припозднившихся прачек, увидев своими глазами причину переполоха. Под прозрачным речным льдом, вмерзнув в него снизу, проглядывалось лицо утопленника. Темные глаза сквозь прозрачную синеву буравили баб, сбившихся в кучу. Вокруг лба, как клубок страшных водорослей, колыбался венец длинных волос. Утопленник по всем признакам был из благородных.

Растолкав толпу, окружившую незадачливых прачек, явился пузатый и важный городской. Кряхтя, опустился на колени, долго всматривался в обезображенное смертельной мукой лицо, зачем-то постучал по льду и кликнул мужиков с топорами — рубить лед.

Светало. Запах печного дыма мешался с острым ароматом стылой речной воды. Утренний морозец не смог разогнать зевак. Согнанные полицией со льда, они заполонили набережную, стояли, охая, перешептываясь и осеняя себя крестом, на мосту и разошлись лишь когда обледеневшее тело, выуженное из Москвы, было осмотрено, укрыто и погружено на телегу. В суতোлке никто не обратил внимания на господина в плаще и высоком цилиндре. Стоял он особняком, всматриваясь в, раскинувшего руки по льду, мертвеца и суетившегося над ним полицейского медика, реплик не отпускал, мнений не высказывал, на обращения к нему самому отмалчивался. Как только представление было окончено, и телега, укрытая рогожей, тронулась с места, быстрой походкой пересёк мост, свернул в проулок, где, сказав пару слов кучеру, сел в закрытый экипаж. Экипаж этот потом, в течение дня, можно было видеть в самых разных концах Москвы. Господин посетил множество разных адресов, нигде, впрочем, особо не задерживаясь, и к вечеру, в жёлтом уже свете газовых городских фонарей экипаж, с сидящим в нём господином, въехал в Петровский парк и подкатил к ресторану "Ярь".

Заняв небольшой столик, господин в цилиндре сделал заказ. На сцене пела сама Панина. Но музыки наш знакомец не любил, а цыганщину презирал и вовсе, и, волшебное контральто, покорившее всю Европу, заставляло его лишь недовольно морщиться, когда отужинав, он раскуривал сигару, от поднесенной официантом спички.

Тем временем Ярь оживлялся, наливаясь гулом голосов новых и новых компаний навеселе. Господин в цилиндре попросил счет, расплатился и вышел, столкнувшись в дверях с любопытной парой, ненадолго завладевшей его вниманием. Мужчина в этой паре, хоть и одетый сообразно месту и времени, тем не менее, то ли блестящим пробором, смазанных маслом волос, то ли посадкой пенсне на маленьком вздернутом носу, напоминал приказчика из мелкой лавчонки, ряженного в барина для смеху. Его дама, тут сомнений быть не могло, принадлежала у кругу женщин, продающих свою любовь за деньги. Сам по себе этот факт не был для Яря, прославившемся широтой и свободой нравов, чем-то из ряда вон. Здесь часто гуляли курти-

занки, предлагавшие свои услуги сильным мира сего, кутили и иные признанные красавицы, находящиеся на содержании или такового ищущие. Однако, девица, вошедшая в зал не относилась ни к тем, ни к другим. Яркое шёлковое платье с претензией, но пошитое дурно, манерность, проглядывающая сквозь робость (по всему, бывать девице в таких местах доводилось крайне редко), а главное, огненные, крашенные букли, вовсе не идущие простоватому курносому личику, с потрохами выдавали в хозяйке обительницу трехрублевого дома на Грачевке.

Засмотревшись по сторонам девица не заметила господина, стоящего в дверях, столкнулась с ним и густо покраснела. Господин поспешил извиниться. Парочка прошествовала за маленький столик у сцены. Проводив их взглядом, господин надел цилиндр, окинул своё отражение в огромном венецианском зеркале, вышел и растворился во тьме аллея парка.

2.

Ляля

Господин в цилиндре не ошибся. В ресторан Ляля, девушка из дома мадам Гришаевой, расположенном в самом сердце Грачевки, попала в первый, за свои восемнадцать, и в последний, как мы увидим далее, раз. История её была проста, незамысловата и исполнена того пустого и незначительного на взгляд публики трагизма, на который в приличном обществе принято смотреть свысока или не смотреть вовсе.

Родилась Ляля в Самаре в семье школьного учителя, рано осиротела и уже в тринадцать поступила в горничные к молодой барышне. Ещё через год барышня успешно выскочила за инженера, и обоз, гружённый фарфором, перинами, часами с боем, да шляпными картонками перевёз Лялю в Москву, где она вскоре оказалась на улице — раздетая, без денег, знакомств, обесчещенная инженером и битая барышней. Все могло бы случиться хуже, и встреча с мадам Гришаевой стала улыбкой судьбы, проявившей благосклонность по отношению к бездомной сироте. В доме Мадам Ляля прижилась и даже пользовалась спросом гостей благодаря юному возрасту и покладистому нраву. Одним из таких гостей, чаще других отдававших предпочтение Ляле, и стал нынешний её кавалер.

Смуглая женщина в цыганском платье пела старинный романс со сцены. В углу стоял белоснежный рояль, за которым Ляля разглядела старого знакомого — тощего старика, который смешно дергался и размахивал руками, тряся кудлатой головой, полностью отдаваясь игре. Совсем так же он вёл себя и в доме Мадам Гришаевой, хотя там, в подштанниках, смотрелся куда комичнее.

Ляле неловчилось. Она не знала, как себя вести здесь, как правильно сесть, как посмотреть. Ей казалось, что взгляды всех присутствующих устремлены на неё. Рассеянно улыбалась шуткам мужчины напротив, мелкими глотками пила игристое, к которому так и не смогла привыкнуть. Пузырьки противно били в нос, но Ляля продолжала пить, чтобы хоть чем-то себя занять.

Резкая боль разорвала живот надвое. Ляля вскрикнула, попыталась подняться и сползла на белоснежный мраморный пол Яра. Её сразу же окружили. Дамы в прекрасных туалетах, статные мужчины. На их лицах Ляля прочла волнение и участие. Было неудобно от причиненного ею беспокойства, она попыталась это высказать, принести извинения этим красивым и участливым господам, но новый приступ боли не дал ей этого сделать. Ляля пискнула. Из открытого рта на платье, за которое она оставалась должна Мадам ещё семьдесят рублей, хлынула кровь. Тело обмякло. Ляля была мертва и не видела, какой переполох вызвала её смерть среди ресторанный публики.

Смерть была здесь делом привычным. В Яру стрелялись сами, проворовавшись и спустившись состояние на скачках, стреляли в недругов, упустив выгодную сделку, дрались, травили соперниц и соперников, выпускали дух в корчах от апоплексического удара после кутежа длинной в месяц. Как-то раз Савва Морозов, разобидившись, что его не пустили в закрытое по случаю заведение, снёс стену Яра тараном, задавив трёх служащих, одного до смерти. Дру-

гой раз, разошедшиеся купцы залили в рояль воды и запустили в него золотых карпов. Тонкие резные ножки не выдержали, затрещали, и рояль рухнул, зашибив Луну, собачонку княгини Галициной и, заодно, мальчонку полового, бросившегося собачку спасать. Да, Яр повидал смерти на любой вкус и кошелек. Но это не мешало устраивать из каждой новой смерти целое представление.

На сцене, заламывая руки, громко рыдала Варвара Панина. Вокруг неё толпился цыганский хор полным составом вперемешку с поклонниками таланта. Варвару утешали, совали платки и нюхательные соли, обмахивали веерами и сулили небывалые дары. В зале дамы красиво лишались чувств, пытаясь оттянуть часть внимания на себя. Господа без сопровождения, сбившись в группы обсуждали происшествие. Между столами сновали юркие официанты, обнося гостей водкой, игристым и чёрной икрой. Старик-пианист, один сохранивший самообладание, наигрывал что-то сентиментальное и пронзительное, помогая себе всей своей тощей фигурой. Любая смерть, приключившаяся в Яре считалась достойной того, чтобы прожить, прочувствовать её до последней капли.

Явившаяся вскоре полиция, коротко и без рвения опросив свидетелей, отбыла, забрав тело несчастной Ляли в анатомический театр, приписанный к Сретенскому участку до вскрытия и установления личности.

В морге Ляля соседствовала с трупом раздавленного телегой крестьянина и, начавшей пахнуть, неопознанной богомолицей с жёлтым восковым носом, но пробыла там недолго, исчезнув в ту же ночь, чтобы вернуться поздним утром и в совершенно ином виде.

Доктор Звягинцев давно перестал чему-либо удивляться. Кроме того, последние полгода доктор пил по-чёрному, не давая себе протрезветь и задуматься, что же с ним случилось тогда, в мае 1905-го. Приняв покойницу, оформив всё, как полагается и решив, что охотников забрать тело проститутки, а то, что перед ним именно проститутка у доктора сомнений не возникло, не будет, доктор удалился в свой кабинет, щедро плеснул себе из штофа и выпил за помин души, и за то, чтобы душа эта пребывала там, где ей положено, а тело там, куда его сгрузили работники. Ночь выдалась беспокойной. Ударивший мороз собрал щедрую жатву среди бродяг и подгулявших пьянчужек. К утру немного стихло, доктору Звягинцеву удалось задремать. Из сна его вырвал стук. В запертую дверь анатомички снова ломились. Доктор вздохнул и поплелся открывать. Снова привезли мертвую проститутку. Удивительное дело, платье на этой было точь в точь, как на той, ночной. Разве может существовать в природе сразу два платья столь отвратительной канареечной расцветки? И волосы рыжие. Как у первой. И тоже вьются. Странно... Единственным отличием был способ умерщвления. Эту, утреннюю, явно зарезали. Вспороли и выпотрошили как курицу. Разрез тянулся от лобка до самой ложбинки меж ключиц, ребра раскрыты, вся требуха наружу, будто её рвали и кромсали в ожесточении. Что за зверь на такое способен?

Оформив тело, все еще пребывая в странном предчувствии, доктор Звягинцев решил зайти и проверить ту, первую из привезённых девушек — правда ли они так схожи, или ему со сна причудилось? Тела не было, о нем напоминала скомканная простыня в пятнах крови, упавшая на пол.

Перекрестившись, доктор вернулся в кабинет и заперся. Налил водки, выпил, налил ещё. Два часа. Два часа, и его сменит Иванов. Можно будет вернуться домой, напиться и забыть обо всей этой чертовщине. Два часа и пропавший, и вновь появившийся труп проститутки перестанет быть его проблемой и станет проблемой Иванова. Два часа.

Доктор Звягинцев давно перестал чему бы то ни было удивляться. Место удивления в его душе занял беспросветный тёмный ужас. Занял с той самой ночи, когда на его глазах встали и пошли мертвецы. Парочка, убитая в перестрелке на Хитровке, не захотевшая спокойно лежать и ждать, когда их закопают по православному обычаю. Двое. Парень и девка. Просто встали с лавок и ушли. Встали и ушли, а доктор с той ночи ни дня не был трезвым и все ждет, ждет,

когда они вернуться за ним, свидетелем их пробуждения. Нет, никакой ошибки быть не могло. Какая тут ошибка, если парню снесло половину черепа? Так, с оставшейся половиной он и ушёл, спаси Христос. Спаси нас всех Христос.

3.

Смерть и снова смерть

Мертвецом с половиной черепушки, воскресшим на глазах у бедного, бедного доктора Звягинцева был, конечно же, никто иной, как Петька Рубинштейн, или, как сам он требовал себя величать Пьер. Весь произошедший бардак был в его вкусе и, надо признать, очень ему шёл. А пару ему составляла Сонька, младшая сестра и едва ли не большая оторва, чем сам Пьер. Были Рубинштейны известными в своих кругах анархистами и идейными боевиками. Или, как им самим нравилось себя называть, по новой моде сокращая длинное и неудобное слово "экспроприаторы" до четырёх букв, экзами. А на деле первыми на всю Хитровку бандитами и налетчиками.

Так все и случилось, как запомнилось доктору, но доктор видел лишь малую часть истории, произошедшей двадцать шестого мая 1905 года.

Ночью ходили на дело. Вопреки опасениям, прошло гладко, теперь же горячая кровь мешалась с облегчением, и брат с сестрой лишь хохотали, переглядываясь, да подгоняли угрюмого извозчика, торопясь на встречу с заказчицей. Былолюдно.

—Савва Морозов! Самоубийство мецената!

—В Каннах умер известный промышленник!

—Убийство или самоубийство?

—Только в нашей газете!

—Читайте!

—Савва Морозов! — перекличка мальчишек—газетчиков заглушала стук копыт по мостовой.

—Собаке собачья смерть. — Зло оскалилась Сонька.

—Зачем так? Из наших он. С Горьким дружил, "Искру" издавал. В революции принимал активное участие. Товарищ.

—Давно Горький "нашим" стал? А, один чёрт. Гори он в аду.

В то же время с крыльца одного из белоснежных московских особняков вышла молодая и весьма привлекательная особа с совсем немосковским именем Жозефина, для близких просто Жужу. То была модистка-француженка и любовница одного из богатейших людей России, Саввы Морозова. Жужу опаздывала на примерку. Кучер ждал её у крыльца.

Почти одновременно карета Жужу и бричка, везшая брата и сестру Рубинштейнов свернули на Кузнецкий.

—Самоубийство Саввы Морозова! Леденящие кровь подробности! Покупайте "Московский листок"! Знаменитый промышленник застрелился в Каннах! — выкрикнул очередной мальчишка, размахивая газетой.

Сердце Жужу пропустило удар. Послышалось? Да, должно быть.

—Стой! — крикнула она кучеру и, не дождавшись остановки, выпрыгнула из кареты. Мальчишка стоял на противоположной стороне улицы, и Жужу, не глядя по сторонам бросилась через мостовую. Удар, и Жужу уже топтали копыта лошади, запряжённой в бричку.

Пока Пьер пытался помочь красотке, лепетавшей что-то на французском, которого они с братом отродясь не знали, Сонька злилась на задержку. Ждали городского и доктора. Раненую перенесли в ближайшую кондитерскую и, оставив на попечении кучера, извозчика и сердобольной, сдобной, как пирожные, которыми она торговала, немки, Рубинштейны ретировались до приезда полиции, так и не узнав, ни кем была эта мадмуазель, ни кем она доводилась Савве Морозову, ни что погнало её, обезумевшую, под колеса их брички. Скорая смерть, уже караулившая брата и сестру, лишила их так же возможности узнать, что мадемуазель не успеют

довести до больницы, что мальчишка, торговавший газетами на углу Кузнецкого, умрет в один час с ними, задушенный чулком с монограммой «J», снятым с мертвой мадемуазель, а сама она так и останется навечно бродить призраком Кузнецкого моста, пугая загулявших купцов, неся смерть пишущей братии и скорую разлуку встреченным ею влюбленным парам. Рубинштейнам было не до того. Они спешили на встречу с одной из самых загадочных женщин Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.